

ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ЛОГИКА

В.Д. ТИТОВ

Редакцией «Философских наук» предложена тема интересного и важного для философов разговора об особенностях, состоянии и перспективах логической культуры в России.

Хотя я живу и работаю на Украине, но постоянная связь с моей *alma mater* — кафедрой логики Санкт-Петербургского университета, — дает мне если не право, то моральное основание подключиться к этому разговору. Кроме того, в отличие от многих политиков, старательно расширяющих и углубляющих разрыв с Россией, украинские логики стремятся сохранить и укрепить взаимодействие с российскими коллегами. Свидетельством этому является солидное представительство российских логиков на конференциях в Киеве, а украинских — в Санкт-Петербурге и Москве. Общность научных интересов проявляется и в сфере поддержания логической культуры, поскольку возникающие организационные, дидактические и методические проблемы одни и те же.

«Культура» в общем противостоит «природности» и нередко даже «дикости» (ср. оппозицию *сырого/вареного* у К. Леви-Стросса). Этимология слова *cultura* заставляет вспомнить о его земледельческой коннотации: «культивировать» — значит что-то разрыхлять (ср. название современного орудия *культиватор*), шире — «возделывать», «обрабатывать», еще шире — придавать объекту деятельности некое желательное качество. Применительно к логической культуре такими желательными качествами являются ясность («прозрачность»), связность и эффективность рассуждений.

Вопрос о логической культуре связан прежде всего с ее носителями. Как и любая сфера человеческой деятельности, логическая культура иницируется своими подвижниками и поддерживается, так сказать, эпигонами. Выступая в мае 2004 г. на конференции в Киеве, А.Т. Ишмуратов в пленарном докладе (не опубликован) предложил различать четыре категории тех, кто так или иначе причастен к логике — оригинальные ученые, создающие новые направления; их последователи, совершенствующие отдельные аспекты намеченного учителями подхода; преподаватели логики, получившие профессиональную подготовку на философских факультетах, но не продвигающие

науку; преподаватели логики, не имеющие профессиональной подготовки.

Кроме того, можно добавить, что с точки зрения социологии знания есть «логика логиков» и «логика не-логиков». Очевидно, что уровни логической культуры у подвижников, эпигонов и автодидактов разные, так что трудно ожидать единства мнений о том, что такое логическая культура вообще. Ясно только то, что есть элитарная и есть массовая логическая культура. И первая, и вторая исторически динамичны и неоднородны. Элитарная логическая культура подчас становится модной и иногда даже задает тон в философии, как было в Европе и США в 1930–1950-е годы и в СССР в 1960–1970-е. Но и сама она подвержена веяниям своеобразной моды благодаря появлению новых направлений вроде многозначных, нечетких или параконсистентных логик. Этим веяниям мало подвержена массовая логическая культура, предположительно формирующаяся на основе учебных курсов логики, но на самом деле существенно зависящая от сложившихся в каждой конкретной сфере деятельности стандартов определения основных понятий, классификации, способов обобщения эмпирических данных и теоретического обоснования. Серьезным подспорьем в формировании массовой логической культуры являются популярные книги по логике, вроде тех, которые издавались в советское время («Популярная логика» А. Гржегорчика, «По законам логики» А.А. Ивина, «Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики» Б.В. Бирюкова, серия книг Р. Смаллиана, не говоря уже о работах Л. Кэрролла). Такие книги почему-то перестали издавать массовыми тиражами, хотя даже в рыночных условиях они нашли бы своего читателя. Потребность в таких книгах велика, поскольку в общественной жизни логическая культура вынуждена и даже обречена сосуществовать с паралогической культурой, сформированной идеологическими стереотипами вроде бэконовских «идолов». Те, кто учился во времена СССР, помнят эти стереотипы: «диалектика внушает буржуазии злобу и ужас» (Маркс); «учение Маркса всесильно, потому что оно верно» (Ленин), «народ и партия едины» (Хрущев), «экономика должна быть экономной» (Брежнев) и т.п. После распада СССР появились новые идеологические стереотипы вроде всемогущества рыночного саморегулирования экономики, эталонности западной демократии, у нас на Украине — необходимости присоединения к НАТО и противодействия

России по всему политическому периметру и т.д. Эти стереотипы, принятые в качестве аксиоматически очевидных положений, приводят к тем малоутешительным практическим решениям, которые усложняют и омрачают повседневную жизнь на постсоветском пространстве.

Возникает вопрос: можно ли считать логически некультурными всех тех, кто не изучал логики? На мой взгляд, нет. Есть некая «естественная логика», свойственная всем людям со здоровой психикой и хотя бы средним образованием. Она начинается с вопроса *почему так?* и латентно формируется в ходе усвоения грамматики родного языка, понимания элементарных причинно-следственных связей, общения с другими людьми, усвоения чужого и накопления собственного опыта. Исключительно важную роль для формирования этой «естественной логики» играет школьный курс геометрии, благодаря которому дети усваивают психологическую установку на необходимость обоснований и знакомятся с образцами техники математических доказательств. Другое дело, что, наверное, стоит закреплять этот ранний опыт геометрического доказывания элементарным курсом логики для средних школ, вроде того, который в начале 1990-х гг. предлагали А.А. Ивин и А.Л. Никифоров. Я тоже в течение трех лет пробовал преподавать такой курс в одном из харьковских лицеев сначала в 11-м классе, затем в 10-м и, наконец, в 9-м. И убедился, что школьникам уже в 9-м классе вполне доступно и интересно учиться элементарной логике в том объеме, который обычно предлагается гуманитариям не-философского профиля, т.е. 30 учебных часов. Представляется, что такой курс мог бы в известной мере даже способствовать демократизации общества, прививая элементарную логическую культуру не только относительно небольшому числу гуманитариев, но практически всем гражданам.

Логике в России вплоть до образовательных реформ 60-х гг. XIX века уделялось очень мало внимания. П.Я. Чаадаев с полным основанием замечал в своем «Первом философическом письме»: «...всем нам недостает известной уверенности, умственной методичности, логики. Западный силлогизм нам незнаком. Наши лучшие умы страдают чем-то большим, нежели простая неосновательность. Лучшие идеи, за отсутствием связи или последовательности, замирают в нашем мозгу и превращаются в бесплодные призраки. Человеку свойственно терять-

ся, когда он не находит способа привести себя в связь с тем, что ему предшествует, и с тем, что за ним следует. Он лишается тогда всякой твердости, всякой уверенности. Не руководимый чувством непрерывности, он видит себя заблудившимся в мире. Такие растерянные люди встречаются во всех странах; у нас же это общая черта»¹. Внедрение логики в средние школы в последней трети XIX столетия на протяжении более полувека сделало ее стержнем российской духовной жизни. Росту массовой логической культуры в немалой степени способствовала реформа судопроизводства, введение суда присяжных и одновременно широкая публикация отчетов о судебных процессах. Выдающиеся российские юристы конца XIX – начала XX в. своей аргументацией сделали для формирования логических навыков у публики не меньше, а то и больше, чем учителя логики. С приходом советской власти и упразднением суда присяжных роль практической юриспруденции в распространении логической культуры существенно снизилась, и даже в наши дни, несмотря на ритуальные заявления о строительстве правового государства, остается близкой к нулю.

Логическая культура в ее массовом измерении взаимодействует со всеми иными видами культуры – политико-правовой, экономической, научной, моральной, религиозной и даже художественно-эстетической в той мере, в какой эти виды культуры имеют рациональные компоненты. Как показал еще югославский автор М. Стойкович², в некоторых обществах превагирует установка на рациональную компоненту этих культур, в некоторых доминируют внерациональные установки – религиозные, эмоционально-психологические, мессианистски-идеологические и т.п. Иногда даже говорят об этно-лингвистических факторах логики³. Однако то качество среднераспределенной логической культуры, которое Г. Башляр называл «рациональным тонусом общества», определяется в первую очередь социальным статусом логического знания. При всех привычных реверансах, которые делаются по адресу логики, ее ре-

¹ Чаадаев П.Я. Соч. – М.: Правда, 1989. – С. 25.

² См.: *Stojković M.* Logic and Culture // University of Niš Facta Universitatis. Series: Philosophy and Sociology. Vol.2. No 6/2. 1999. – P. 235 – 238. <http://facta.junis.ni.ac.yu/pas/pas99spec/pas99s-10.pdf>]

³ См.: *Szuchewycz B.* Ethno-Logic: The Anthropology of Human Reasoning//Journal of Linguistic Anthropology. 1991. Vol. 1. Issue 1. – P. 123 – 125.

альный социальный статус в России и на постсоветском пространстве неудовлетворителен⁴. Философские вопросы логики чаще принято связывать с онтологией, теорией познания и математикой, чем с ее социальным контекстом.

В самом общем виде этот контекст может быть охарактеризован как совокупность общественных потребностей в логических знаниях, степени их удовлетворения в логических учениях и их дальнейшего распространения и использования в общественной практике.

Нет необходимости доказывать, что существуют общественные потребности в логическом знании как инструменте организации человеческого опыта в относительно стройную систему. Предлагаемые логикой методы определения, классификации, индуктивных обобщений и дедуктивного вывода широко используются в *научных* процедурах описания, объяснения, обоснования и предсказания. Логические постулаты (или принципы, или законы) тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания служат критериями отделения правильных рассуждений от неправильных, т.е. средствами сохранения формальной истинности. Все это общеизвестные вещи, и я не стану на них задерживаться.

Заслуживает внимания другой вопрос — каков *реальный социальный статус* логики *за пределами научных исследований*? Речь идет о реальной политике, законодательстве, крупных экономических проектах и их реализации, наконец, об образовании. В более общем плане во всех этих сферах ставится вопрос о соотношении *декларируемого желаемого, должного и сущего*, так что логика их совмещения смыкается с этикой: пообещал — значит, знаешь, как делать, можешь, будешь делать и сделаешь в обещанные сроки. Но так ли важна логика для лиц, принимающих важнейшие для общества решения? И если важна, то какова эта логика?

Когда мы говорим о логике политиков и любых других власть имущих на постсоветском пространстве, то сталкиваемся как минимум с двумя логическими линиями — поверхностной и явной логикой общего блага, и глубинной, скрытой логикой обеспечения корпоративных и личных интересов. В СССР никто из власть имущих не спрашивал мнения народа по ключевым

⁴ См.: *Свинцов В.И.* Логическая культура личности и общества // Общественные науки и современность. 1993. № 4. — С. 114 — 124.

чевым вопросам его жизни. Если не считать выступлений диссидентов, абсурдность решений власти не подлежала логическому анализу и критике. Но и постсоветское общество осталось без такой возможности. Отсюда — скептицизм по отношению к декларируемой логике политико-правовых и социально-экономических решений и нередкое противопоставление ей «умения жить по понятиям», «по ту сторону» морали и логики.

Вместе с тем, этот скептицизм не сопровождается самостоятельным продумыванием и учетом логических следствий, вытекающих из предвыборных обещаний. Подавляющей части общества присуще доверие к привлекательным лозунгам без обдумывания возможностей их практической реализации. Иными словами, в обществе очень низок «логический тонус». Дело даже не в том, что логика вытеснена на периферию образования и что ей не учились наши политики и экономисты. Главная причина в том, что наши немногочисленные логики-профессионалы редко обращаются к анализу насущных общественных проблем, а если обращаются, то уснащают свои рассуждения таким обилием формализмов, что понять их может только другой профессионал-логик, но никак не экономист, юрист, социолог или политик. Необходим тандем логиков и специалистов в других областях для того, чтобы можно было говорить о политической, юридической, экономической логике не в метафорическом, а во вполне практическом смысле.

Практицизм, или даже прагматизм при таком подходе означает оценку содержания и формы преподавания логики не с точки зрения самих логиков, а с точки зрения профессиональных потребностей будущих специалистов. Иными словами, акцент делается на том, как «работает» логика в конкретной профессиональной сфере за пределами чисто философских занятий. У меня нет желания хотя бы в малейшей степени поставить под сомнение другие возможные подходы к логике, это было бы бестактно и просто глупо.

Сделаю, так сказать, лирическое отступление и сошлюсь на собственный опыт. В ранней молодости я был топографом. Топографические занятия предполагают умение терпимо относиться к различию между тем, что *теоретически должно быть* (строгий тригонометрический расчет), тем, что *фактически есть* (реальная ситуация на местности, «в поле») и тем, что *практически получается* (топографическая карта). Замкнутые теодолитные ходы в теории должны давать тригономет-

рическую сумму полигона в 360°, а сумма так называемых превышений в замкнутых нивелирных ходах должна равняться 0. На практике фактическая сумма измеренных углов или превышений *всегда* несколько отличается от расчетной в ту или иную сторону. Есть интервалы допустимых для тех или иных практических ситуаций предельных ошибок, после установления которых производится так называемое «уравновешивание» полигонов путем поправок — разбрасывания допустимой ошибки на каждую станцию измерения. По мере развития техники точность измерений и соответственно картирования неуклонно повышается, причем на порядки, но суть остается прежней — есть различие между теоретической схемой и ее практическим использованием. Для достижения практически приемлемого компромисса существует постоянно развиваемая теория систематических и случайных (оптических и метеорологических, инструментальных и субъективных) ошибок в измерениях.

Слабое подобие этой теории ошибок я встретил при изучении университетского курса логики, причем только того ее раздела, который многими современными логиками полупрезрительно называется традиционной логикой — аристотелевской силлогистики и миллевской индукции (ср. изречение Б. Рассела: «Тот, кто сейчас стал бы изучать логику по Аристотелю, напрасно потратил бы свое время»)⁵. Что же касается формализованных систем, то об ошибках в их использовании вообще ничего не говорится.

Логическое учение об ошибках, конечно, не тождественно принятой в топографии теории ошибок. Авторы логических теорий считают эти теории непогрешимыми. А потому эти теории, как правило, не предполагают компромиссов; они «догматичны». Критериями валидности логической теории являются ее непротиворечивость и полнота. Это, конечно, очень убедительные критерии, но они убедительны только для профессиональных логиков и мало пригодны для реальной жизни, в которой при всем старании сохранить строгость мышления за пределами «чистой» логики и «чистой» математики постоянно приходится встречаться с неполнотой и противоречивостью происходящих явлений и действий. На этом охотно спе-

⁵ Рассел Б. История западной философии. — Новосибирск: изд-во Новосибирск. ун-та, 1999. — С. 202.

кулировали всевозможные шарлатаны, начиная с греческих софистов, продолжая Гегелем и его последователями, и заканчивая так называемыми постмодернистами. Между прочим, об этом как-то с горечью сказал тот же Б. Рассел: «Наша логика относится не к этой земной жизни, а к воображаемому небесному существованию»⁶. Некоторое продвижение «к земной жизни» дают многозначные, нечеткие, релевантные, параконсистентные и некоторые другие логические системы. Но это продвижение опять-таки понятно только профессиональному логик, и оно не может быть объяснено студенту-первокурснику, который не собирается становиться логиком-профессионалом. Так что в этом дидактико-прагматическом аспекте степень универсальности логики в системе наук неуклонно снижается.

На фоне акцентированной «чистоты» и «строгости» современной логики как-то отодвигается в тень (а чаще вообще не ставится) вопрос о ее низком социальном статусе. Хотя в наше время всеобщего обвала традиционных ценностей о логике довольно много и громко говорят, но крайне редко ей следуют. Еще Ларошфуко обратил внимание на то, что многие люди способны согласиться с тем, что они некрасивы, но мало кто из них согласится в том, что он нелогичен.

Вообще вопрос о логичности, который еще лет 30 тому назад был поставлен проф. Ю.А. Петровым, пока что находится на периферии исследовательских интересов. Кроме предложенного им довольно скромного перечня дельных рекомендаций, нужен и специально-методологический инструментарий для логической работы в каждой отдельной отрасли знания. Я имею в виду разработку прикладных логических теорий, нацеленных на решение специфических проблем в той или иной сфере конкретных наук. Такую перспективу видел еще Аристотель, последовательно переходя от строгой математикообразной аналитики к менее строгой диалектике (топике) и затем уже к совсем нестройной, но практически оправданной теории риторического силлогизма.

В этом пункте моих рассуждений самое время перейти к обсуждению того, какой может быть практически ориентированная логика.

⁶ *Russell B. Vagueness //The Australasian Journal for Philosophy and Psychology. 1923. V. 1. – P. 91.*

В наше время в результате увлечения постмодернизмом часто говорят о «психологическом засилье» логики и о необходимости ее «дематематизации». С другой стороны, «чистые» логики стремятся к ее «депсихологизации», «делингвизации» и даже «дефилософизации». Однако в нашей жизни все говорит не о «засилье логики», а о ее повседневных деформациях и часто о полном ее отсутствии. Логика ютится на задворках образования и постоянно рискует быть выброшенной из вузовских программ даже там, где она традиционно сохраняла свои весьма скромные позиции — в сфере гуманитарного обучения. Вопросы о депсихологизации, дематематизации, делингвизации и тем более дефилософизации логики — это все вопросы о ее «чистоте». В конечном счете, это вопросы, касающиеся очень немногочисленной группы рафинированных специалистов. Если, паче чаяния, их «очистительные» надежды осуществятся, можно будет смело поставить крест на преподавании логики в вузах, в том числе и на философских факультетах — ведь речь идет и о «дефилософизации» логики. Во всяком случае, любой ректор или декан, встретившись с откровенным игнорированием профильной специальности, скорее всего, постарается вообще избавиться от подобного курса. Таким образом, в попытках «очищения» мы встречаемся скорее всего с профессионально-личностными деформациями самих логиков, как бы творящих в «башнях из слоновой кости». Впрочем, наверное, такие «башни» нужны, причем не только и даже не столько самим общепризнанным «гуру» от логики, а более широким кругам профессионального сообщества, занятым распространением элементарных логических знаний и непосредственно участвующим в сохранении элементарной логической культуры в инопрофессиональных средах. Что же касается преодоления всяческих «очищений», более естественным и эффективным является разработка курсов логики, ориентированных на конкретного потребителя. Я никогда не работал в техническом, медицинском или сельскохозяйственном вузе и не имею ясного представления, что и как именно это следует делать в рамках соответствующих специальностей, но относительно подготовки студентов гуманитарного профиля, и в частности студентов-юристов, могу утверждать с полной определенностью следующее.

Есть группа исключительно важных сюжетов, где интересы логиков и гуманитариев сходятся. Это вопросы определе-

ния, классификации и интерпретации (прямые и обратные когнитивные задачи), которые имеют не только теоретическое, но и исключительно важное практическое значение. Здесь без определенной дозы психологизма и лингвистицизма не обойтись, иначе мы рискуем натолкнуться на полное непонимание и отторжение логики.

Для формирования реалистического представления о возможностях логики в описании и моделировании ситуаций, интересных для юристов, экономистов или историков, важно использовать идейный и максимально упрощенный технический ресурс модальной (деонтической, эпистемической, аксиологической) логики. Тут никак не обойтись без «философизации».

Для формирования навыков структурирования знаний представляются весьма полезными табличные методы анализа высказываний, причем не только со стороны выяснения их истинностных значений, но и со стороны их оценки на предмет «дозволенности»/«недозволенности», «справедливости»/«несправедливости» в стиле, предложенном проф. В.О. Лобовиковым⁷. Здесь необходимо присутствует определенная доля «математизации». Применительно к обучению логике будущих экономистов представляется очень интересным и продуктивным подход Н.Н. Жалдака⁸.

Очень широкое поле соединения интересов юристов, историков, экономистов и логиков представляет разработка теории гипотез. Хотя по этой проблематике и существует несколько работ, внятных и главное доступных восприятию гуманитариев результатов в этой области пока нет. Для привлечения современных логических методов к юридико-процессуальной теории доказывания, по-видимому, следует двигаться в русле теории игр. Планомерно организованные и доступные исследования, посвященные этому аспекту приложения логики, крайне редки: давние работы В.А. Лефевра⁹, недавние В.А. Светлова¹⁰. Очевидно, это очень сложная и перспективная задача, которую нельзя решить «в лоб» простым перенесением предла-

⁷ См.: *Лобовиков В.О.* Математическая логика естественного права и политической экономики. Ч. I, II. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

⁸ См.: *Жалдак Н. Н.* Практическая логика для экономистов. – Белгород: изд-во Белгородск. ун-та, 2004.

⁹ См.: *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры / Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Советское радио, 1973.

¹⁰ См.: *Светлов В.А.* Практическая логика. – СПб.: РХГИ, 1994.

гаемых в некоторых учебниках формализмов, пусть и успешных с точки зрения «чистой» логики, но не учитывающих реальных ограничений, налагаемых законодательством и юридической практикой. Для решения этой задачи нужна совместная работа опытных юристов и профессиональных логиков.

Другое дело, где взять на все это время и деньги, чтобы оплачивать труд не только логиков, но и весьма квалифицированных в своей области специалистов, без участия которых мы получим лишь очередную мистификацию или профанацию. Но эти проблемы, как только они переводятся в прагматически ясную плоскость, становятся разрешимыми при всей их организационно-финансовой трудности.

ЛОГИКА В РОССИИ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИТОГИ

В.И. КОБЗАРЬ

Позади XX век. Полагаю, что среди молодых найдутся хорошие специалисты, которые обстоятельно подвергнут этот век анализу. Я же попытаюсь лишь установить периоды в развитии и даже просто существовании логики в России (СССР) в XX в. Это был век ее великих перемен и потрясений. Претерпевала в это столетие изменения и наука «Логика». И на ней — как учебной дисциплине, и как науке — век отразился всеми своими особенностями.

Начало века было благоприятным для логики, да и для философии тоже. Благоприятность эта была достигнута еще во второй половине предшествующего XIX в., когда после десятилетия искусственного изъятия философии из учебных университетских программ ее, наконец-то, в 1859 г. вернули. Это время было насыщено бурлением страстей и мнений. Широко развернувшаяся издательская деятельность пыталась насытить все возрастающее число интересующихся читателей философско-логической литературой. Стали оперативно переводиться и издаваться не только мировые классики логики и философии, но и новейшие труды по этим наукам, отражающие оригинальные западноевропейские идеи и концепции.

В этот период включились в общемировой процесс осмысления и разработки философско-логической проблематики и